

ПОРТРЕТ МАКСИМАЛИСТА

В молодости любимым героем Георгия Владимова был Мартин Иден

Независимая газета. - 1998. - 4 сент. - с. 9, 12.

**КРИТИК
ДОБРОЛЮБОВСКОЙ ШКОЛЫ**

То было время, когда голос одного человека, заступившегося, кажется, только за свое достоинство, мог защитить и достоинство нации, а нация еще чувствовала себя нацией, а не собранием людей, которым нет дела друг до друга. В те дни Владимов был уже автором «Большой руды» — повести, появившейся в «Новом мире», который считался журналом оппозиции и печатал исключительно реальную прозу.

Владимов пришел туда в 1956 году как редактор отдела прозы, но публиковаться стал как критик, причем критик добролюбовской школы, всегда требовавшей от литературы

максимальной пользы. Его литературная молодость совпала с ударами колокола, возвестившего конец эпохи террора. В марте 1953 года умер Сталин, но созданная им система осталась. Мать Владимова, как и отцы и матери многих из нас, все еще находилась за колючей проволокой.

Судьба, кажется, назначила Владимову быть советским писателем. Но уже в первых своих статьях он отказался от этой счастливой участи. Он противопоставил давлению государственной воли свою волю, и слово «воля» (с прибавкой «активная») сделалось ключевым в его языке.

Уже одна независимость владимовского языка, при всей видимой лояльности его статей, говорила, что он хочет идти своей дорогой. Тяжелые периоды были попыткой количеством слов замаскировать отсутствие официального содержания, а революционно-демократический максимализм шел не только от характера и от возраста, но и от желания силой победить силу. Все мы — дети жестокости, непримиримости и в том смысле, что, не покоряясь им, не покоряемся жестоко и непримиримо, а сила, постоянно тренируемая и нарастающая, грозит обернуться насилием.

Критические статьи Владимова — статьи максималиста, резко отделяющего слабого от сильного, героя от слюнтяя, рефлектора от деятеля. «*Но смотреть, как гибнет такая пущая мелочь*», — читаем в статье о Константи-

не Финне, — *смотреть, как топырит жабрами на песке себялюбивая плотва, у которой нет ничего, кроме сомнительных талантов и несомненной прожорливости, согласитесь, что это, может быть, и картинно, только трагедии в этом никакой нет, а есть, пожалуй, необходимая дезинфекция жизни*. Это напоминает знаменитое сочинение Родиона Раскольникова, в котором люди делятся на Наполеонов и «инфузорий». И если гибнет Наполеон, то трескается земная кора, а если инфузория — то это дезинфекция.

Наверное, оттого так и строга авторская селекция: если писатель — то Солженицын (глашатай, пророк в своем Отечестве), если герой — то стусок воли, а не плотва, не пузатая мелочь.

Владимов то и дело поминает в статьях и в прозе имя Мартина Идена. Это его герой. Он сделал себя сам. Он одинок и горд. И он наделен волей, которая, когда отчаяние овладевает им, помогает ему покончить с собой. Это герой — стоик, герой — верный Руслан. Только в отличие от Руслана он верен не государственной службе, у него своя, столь же святая Анти-Служба. Я сознательно здесь пишу слово «Служба» с большой буквы, потому что и Анти-Служба для тех, кто ей поклоняется, тоже есть божество. И не дай Бог, в верности ей оступиться, заколебаться, отклониться на шаг. Прощения, как и в истории с Русланом, не будет.

В послужном списке тимых Владимовым имен рядом с Джеком Лондоном стоят Киплинг, Хемингуэй и наш соотечественник Писарев. Каждый из них — сильная личность и поэт силы. Писаревские волевые ноты звучат в статьях молодого критика. Нет разве блестящих фиоритур Писарева, привыкшего и в языке играть кинжалами. Зато есть свобода от советской фразеологии, свобода от идеологических клише и верноподданнической лексики — это не мог не заметить читатель 50–60-х годов.

И все же Владимов-критик и Владимов-прозаик разнятся, как могут разниться юноша-студент и сложившийся человек. С первой своей прозаической попытки — с повести «Большая руда» (1961) — Владимов берет высоту, ниже которой (редкий случай в литературе) он уже никогда не опустится. Он будет только поднимать и поднимать планку.

По материалу и сюжету «Большая руда» вписывалась в молодежную прозу тех лет — человек уезжает на стройку (варианты: в Сибирь, на целину, уходит на траулере в море), там ищет счастья, там его и находит. Здесь набухает нарыв конфликта, здесь он вскрывается (чему способствуют чрезвычайные обстоятельства — буря, шторм, аврал из-за плана), обнаруживая пропасть, отделяющую добро от зла.

Все это есть у Владимова, только Пронякин — его герой — не так уж молод, и по стройкам он, как признается сам, помомался, и хочется ему не то чтобы слетать за счастьем, а осесть наконец на одном месте, прикрепиться к нему, как прикрепился возле бродячего вагончика конторы крепкие яблоньки, всякий раз сигнализируя ему о чем-то, чего он сам еще не додумал, не осознал, для чего не нашел подходящих слов. Он ищет эти слова в письмах жены, а она — в его письмах, где два перекасти-поле признаются в желании воссоединиться. Письма эти пронзительны, как пронзительны финалы повести: две машины встречаются на дороге — одна везет гроб с телом Пронякина, другая — едущую на встречу с ним жену.

В чем смысл нашей жизни? — спрашивал автор. Почему мы все время должны куда-то ехать, уезжать, бросать родительское гнездо и вить его там, где люди не живут, где и зверю жить не очень сладко? Да, большая страна, да, земля пустует, ее надо обживать, заселять, но не класть же под каждую шпалу мертвеца...

Смерть Пронякина заслоняла все в повести: и дежурного опытного бригадира Мацуева (старших наставников молодых горячих героев развелось в литературе множество), и положительную интеллигентку-инженершу (и таких в прозе 60-х хватало), и благородного начальника карьера (конечно, беспроблемника), и сопротивляющуюся Пронякину бригаду (потом просящую у него прощения), и то, что, кажется, возвышая его смерть, звучало в конце повести как гимн большой руде: «*Шла большая руда, брызнувшая фонтаном из испортой вены земли. Она переполняла ковши экскаваторов и кузовы машин и неслася, летела по шоссе бесконечной вереницей ревуших самосвалов...*» Этот апофеоз железа, эта оратория лязганья, грома и грохота воспринимаются отнюдь не па-

тетически, а иронически, как ни казались они цензорам 60-х годов песнью песней социализма.

В «Большой руде» Владимов предстал уже как писатель с твердым наклоном пера: «*Тень облака скользнула вниз, упала на пестрое движущееся скопище машин и людей, погасив блеск металла и сверканье стекол. Тень проползла по холмистому дну карьера, подернутому дымкой, — через россыпи желтого песка, голубовато-свинцовой глины и обломки расколотых глыб цвета запекшейся крови — и стала выбираться наверх, обгоняя взлет деревянных лестниц. И умчалась в зеленую степь, к перелескам и хуторам, затерявшимся на горизонте*».

Снимем с этой многоцветно-подвижной картины один цвет — цвет запекшейся крови. Повесть только началась, а зловещий конец засечен глазом, хотя еще не дошел до сознания. Это — кровь Пронякина, это кровь жертвы, принесенной железному Молоху. И «*испортая вена земли*»: из земли спешат выкачать ее кровь, взамен она тоже требует крови.

История с романом «Три минуты молчания» еще далее продвинула Владимова по пути жесткого реализма. Выйдя в урезанном виде в «Новом мире» (1969), роман претерпел мытарства в издательстве, и после семи лет изнурительного противостояния автора и редакции, покалеченный, вышел в свет.

Все, что здесь описывается, нельзя вбить в колодки казачной, сервильной литературы. Вместо подвигов — пьянки, вместо образцовых браков — гулящая жизнь, мелькание женщин, мат, грубость, а охота за рыбой — не счастье труда, но которая, и награда за все — пачки денег, просаженные за одну-две ночи в ресторане «Арктика».

Из-за чего чуть не ушел на дно морское СРТ «Скакун»? Из-за того, что «*стране рыба нужна*», как говорит отрицательный герой Граков, а СРТ выпустили в море, не закончив ремонта, — гнали план. Казалось бы, типично советский конфликт. К тому же моряки «Скакуна» спасают шотландское судно. Нет помехи, нет и пропавших, кроме птицы Фомки, смытой с палубы волной. А в конце старший механик по прозвищу «дед», чья правда, как говорится, взяла верх, произносит фразу, оспаривающую демагогию Гракова: «*Стране тоже и рыбаки нужны*».

(Окончание на стр. 12)

Георгий Владимов — лауреат Букера-96.
Фото ИТАР-ТАСС

Игорь Золотусский

Однажды став на тропу сопротивления, трудно, да почти невозможно, с нее сойти.

Георгий Владимов.

Вечер в Бостоне. Ответы читателям.

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМОВ (р. 1931) не был в числе триумфаторов, с шумом и славой ступивших на родную землю в первые годы перестройки. Он не приехал и позже, когда сама перестройка была сметена революцией 1991 года. Другие изгнанники царили на сценах московских залов, их книги, прежде запрещенные в СССР, выходили большими тиражами, их интервьюировали для газет и телевидения. Владимов не спешил объявиться в России — он сидел за столом в маленьком немецком городке Нидерхаузен и диктовал свой роман «Генерал и его армия».

«*И вот я хочу спросить полномочный съезд: нация мы подонков, шептунов и стукачей или же мы великий народ, подаривший миру бесподобную плеяду гениев?*» — так формулировал он свое кредо еще в 1967 году, обращаясь к делегатам IV съезда писателей СССР. Владимов одним из первых поддержал Александра Солженицына, который в Письме к съезду призвал собратьев по перу покончить с советской ложью.